

6. Лассан Э. О соотношении основных единиц когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы научной конференции. – Минск, 1997. – Ч. I. – С. 55-56.
7. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб: Речь, 2003. – 320 с.
8. Полюжин М.М. Функціональний і когнітивний аспекти англійського словотворення. – Ужгород: Закарпаття, 1999. – 240 с.
9. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Искусство, 1989. – 344 с.
10. Уорф Б.-Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1960. – Вып. 1. – С. 135-168.
11. Храмова В. До проблеми української ментальності // Українська душа. – К., 1992. – С. 4-11.
12. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.
13. Шахнарович А.М., Арама Б.Е. Когнитивный аспект категории модальности // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы международной научной конференции. – Минск, 1997. – Ч. 1. – С. С. 85-89.
14. Coleman J. Phonetic Representations in the Mental Lexicon // Oxford Studies in Theoretical Linguistics. – New York: Oxford University Press. – 2001. – P. 96-131.
15. Cook N. Tone of Voice and Mind. The Connections between Intonation, Emotion, Cognition and Consciousness. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Company, 2002. – 294 p.
16. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – New York: Cambridge University Press, 1999. – 490 p.
17. Durand J., Laks B. Phonology, Phonetics and Cognition // Oxford Studies in Theoretical Linguistics. – New York: Oxford University Press. – 2001. – P. 10-51.
18. Gandour J. Frontiers of Brain Mapping of Speech Prosody // Brain and Language. – N. 71. – 2000. – P. 75-77.
19. Goldsmith J. Tone in Mituku: How a Floating Tone Nailed Down an Intermediate Level // Oxford Studies in Theoretical Linguistics. – New York: Oxford University Press. – 2001. – P. 80-96.
20. Polyshyn Z. Computation and Cognition: Toward a Foundation for Cognitive Science. – Cambridge, 1984. – 212 p.
21. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. – New York: Oxford University Press, 1997. – 480 p.

Светлана ЛЕЩАК

□ 2006

СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ КЛИШЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Теоретическая проблема, которая будет затронута в данной статье, это проблема семантической структуры аналитических языковых лексических знаков неидиоматического характера, которые мы называем общим термином языковые клише (ЯК)¹. Проблема состоит в установлении:

---

¹ Установлению лингвистического статуса и типологических черт клише были посвящены наши отдельные статьи, см. К проблеме структурно-генетической типологии языковых клише в современном русском языке: опыт типологизации, „Studia Methodologica”, 2001, вып.10, с.37-44, Между словом и фразеологизмом: к проблеме квалификации аналитических языковых знаков в описательном и функционально-прагматическом языкознании, [в:] Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej, Kielce 2002, tom 11, s.135-150, Лексические модели и языковые кли-

- степени покрытия семантического поля при помощи ЯК (в сопоставлении с составляющими его словами),
- характера внутренней устроенности значения ЯК (в сопоставлении со словом) и
- степени семантической синтетичности значения ЯК (в сопоставлении со свободными словосочетаниями и фразеологизмами).

Первые два аспекта – функционально-семиотические. Они касаются статуса клише как языковых лексических знаков и связаны с их прагмастилистическим функционированием. Последний аспект – структурный. Он связан с происхождением клише. Это очевидно, поскольку по происхождению клише это синтагмы, сочетания как минимум двух речевых знаков (т.е. свободные словосочетания), и лишь очень немногие – фразеологизмы. Именно поэтому первые два аспекта проблемы можно еще определить как собственно синхронно-семантические (при этом первый, касающийся типологии значений ЯК, – как лексикологический или ономаσιологический, а второй, касающийся их семантической структуры, – как семасиологический), последний же аспект следует определить как диахронно-деривативный, т.е. формально-семантический. Поэтому здесь будут рассмотрены только собственно семантические проблемы.

Анализ собственно семантической проблематики ЯК требует принятия определенных теоретических положений, в свете которых должны рассматриваться исследуемые единицы. В основу семантического анализа положены ономаσιологическая концепция значения лексической единицы М. Докулила² – 3. Главсы³, психолингвистическая концепция идиолекта А. Залевской⁴, психосемантическая концепция сознания В. Петренко⁵, семасиологическая концепция структуры значения М. Никитина⁶ и функционально-прагматическая концепция структуры значения О. Лещака⁷. Все перечисленные концепции имеют то общее, что: а) признают изоморфизм структуры значения лексических единиц и лексической системы в целом и б) признают наличие взаимной зависимости инвариантной структуры лексических единиц в языке и ее функционирования в речи. Таким образом, общим основанием структурирования значения лексических единиц и лексической системы становится наличие в них двух типов структурно-функциональных отношений между компонентами – парадигматических (по принципу сходства-контраста) и синтагматических (по принципу смежности-сосоположения). Парадигматические семы структурируют категориальную часть (интенционал) значения

ше: функционально-прагматический взгляд на проблему, [в:] *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy końca XX wieku*, Zielona Góra 2003, s.179-190 (в соавторстве с О. Лещаком), Фразопроизводство, словопроизводство и предикативное синтаксирование: сходство и различие ономаσιологических процедур, [в:] *Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej*, Kielce 2004, nr 13, s. 121-138. Стилистика и прагматика языковых клише, [в:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*, Варшава 2004, с. 189-194, а также Ономаσιологический анализ сверхсловных неидиоматических знаков в современном русском языке, [в:] *Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej*, Kielce 2005, tom 14, s. 151-167 (в соавторстве с О. Лещаком). См. также диссертационное исследование: С. Лещак, *Современные русские языковые клише. Функционально-прагматический анализ*, Кельце 2004 (на праах рукописи).

² Dokulil, M. *Tvoření slov v češtině*, d.1, Praha 1962.

³ Hlavsa Zd. *Denotace objektu a její prostředky v současné češtině*, Praha 1975.

⁴ Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях, Калинин 1978, ее же Проблемы организации внутреннего лексикона человека, Калинин 1977, Психолингвистические проблемы семантики слова, Калинин 1982, а также Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование, Воронеж 1990.

⁵ Петренко В.Ф. *Психосемантика сознания*, Москва 1988.

⁶ Никитин Н.В. *Основы лингвистической теории значения*, Москва 1988.

⁷ Лещак О.В. *Опыт структурно-функционального исследования имен действия в славянских языках*: дисс. ...канд.филол. наук, Львов 1991, его же *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*, Тернополь 1996.

лексических единиц и одновременно организуют все лексические единицы языка в ономасиологические классы (от мельчайших групп до самых общих категорий). Синтагматические семы, в свою очередь, являются основой формирования семантических полей, причем как в пределах структуры значения отдельной лексической единицы, так и в пределах всей информационной базы языка (тоже от мельчайших микрофреймов до самых широких когнитивных пространств).

а) парадигматические классы и категориальный компонент значения языковых клише

Милош Докулил выделил 4 базовых ономасиологических категории: предметность, процессуальность, атрибутивность и условие (обстоятельность). Впоследствии многими лингвистами была разработана таксономия каждой из категорий. Обычно в пределах категорий выделяют подкатегории, роды, виды, группы и под:

предметность (конкретная – абстрактная; предметы: одушевленные – неодушевленные; явления: субстанциональные – процессуальные – атрибутивные – обстоятельственные);

процессуальность (действие – состояние; действие: воздействие на объект / субъект – проявление свойства субъекта / объекта; состояние: пребывание субъекта / объекта в состоянии – изменение состояния субъекта / объекта);

атрибутивность (качество – свойство; свойство: отношение – принадлежность);

обстоятельность (временная – локальная – атрибутивная – каузальная)⁸.

Понятно, что этими четырьмя категориями не исчерпывается все семантическое многообразие языка. Как минимум, это число должно быть дополнено категорией модального отношения и категорией эмоциональных реакций-представлений, хотя обе указанные категории представляют собой скорее полупредикации, чем собственно номинации. Так, аналитические междометия *слава богу, фу ты, да ну тебя, надо же*, а также модальные операторы *может быть, короче говоря, если серьезно, честно сказать* представляют собой не номинаты, включенные в синтаксическую структуру высказывания, а самостоятельные, независимые от этой структуры конструкции с собственной модальностью и предикативной силой. Их следует относить либо к номинативно-предикативному пограничью, либо к аналитическим предикативным языковым знакам.

Общий корпус данных, подвергнутых семантическому анализу, составил свыше 5 000 русских ЯК. Если рассматривать категориальную семантику ЯК с учетом указанной таксономии, оказывается, что подавляющее большинство их обладает значением предметности (в нашей выборке это около 4/5 всего корпуса данных). Около тысячи оказались клише с процессуальной семантикой и еще около 300 – обстоятельственных.

Атрибутивных ЯК оказалось очень мало (не более 20 единиц). Среди них практически не встречаются притяжательные (этикетные формулы *искренне ваш* или *вечно твой* исчерпывают этот тип семантики). Остальные – это относительные атрибуты (*бывший в употреблении, тесно связанный, тот или иной, готовый к употреблению, исполненный надежд, объятый ужасом, установленный законом, общественно полезный*), реже качественные (*широко распространенный, достойный внимания*).

Из обстоятельственных клише основу составляют атрибутивные (весьма вероятно, вполне возможно, слишком много, прямо / обратное пропорционально, чисто символически, довольно сносно, оптом и врозницу, так или иначе, в конце концов, на самом деле, с большой буквы, в чистом виде) и временные ЯК (днем и ночью, день и ночь, сравнительно недавно, рано или поздно, впервые в истории, рано утром, поздно ночью, в скором будущем, в ближайшее время, с тех пор, в конечном итоге), меньше простран-

⁸ Это только самый общий план таксономии, касающийся наивысших ступеней обобщения парадигматического значения.

ственных (совсем рядом, где-то тут, здесь неподалеку, в жизни общества, в теплые края, в неполюженном месте, по месту работы, в сухом прохладном месте, с места на место, под открытым небом, на переднем плане) и каузальных (в знак протеста, в корыстных целях, на все случаи жизни, на всякий случай, для всеобщего обозрения, ни с того ни с сего, с рекламной целью, по семейным обстоятельствам).

Среди процессуальных ЯК больше всего со значением действия, хотя есть и немногочисленная группа статальных номинатов (т.е. номинатов со значением состояния): *терпеть бедствие, испытывать неудобства, хорошо себя чувствовать, биться в агонии, крепко спать, впадать в транс, замыкаться в себе, находиться под следствием, попадать в беду*. Гораздо больше в этой категории группа клише со значением действия – проявления свойства: *иметь намерение, владеть информацией, прекрасно выглядеть, иметь возможность, хорошо смотреться, знать меру, бессовестно врать, встать на цыпочки, обещать быть (каким-л.), поддаваться дрессировке, поступать в продажу*. Но самой большой группой является ономаσιологический род направленного действия: *ликвидировать последствия, лишать свободы, манипулировать общественным сознанием, набросать эскиз, нагнетать напряжение, наносить поражение, грубо нарушать, обжаловать приговор* (направленного на объект), а также *вызывать недовольство, вполне устраивать, навеять грусть, наталкивать на мысль, окупать с лихвой, поражать воображение, привлекать внимание, приносить доход* (направленного на субъект).

Наиболее широкий спектр значений, естественно, представлен в пределах категории предметности. Клише покрывают практически всю категорию:

Конкретные предметы:

одушевленные – доблестные воины, вор в законе, все как один, Ваше Величество, почетный гражданин, старший лейтенант, летучая мышь, гремучая змея, шестикрылый серафим;

неодушевленные – железнодорожный вокзал, водонапорная башня, букет цветов, наждачная бумага, распределительный вал, дождевая вода, перочинный ножик, шариковая ручка, цветной телевизор.

Абстракции:

субстанциональные – гражданская авиация, домашний адрес, проходной балл, группа поддержки, политехнический институт, значение слова, строгие правила, доза облучения, корень квадратный;

процессуальные – террористический акт, внематочная беременность, экономическая блокада, обострение болезни, рукопашный бой, Великая Отечественная война, пленарное заседание, хирургическое вмешательство, затяжной прыжок;

атрибутивные – двойное гражданство, боевая готовность, особая жестокость, занятость населения, мировая известность, политическая корректность, актерское мастерство, численное преимущество;

обстоятельственные – бронзовый век, потенциальные возможности, ясный день, суровая зима, веские причины, высокие цели, жесткие условия, место для курения, главное направление.

Как видим, клише покрывают почти весь спектр словесных значений и практически ничем в ономаσιологическом (категориально-номинативном) плане не отличаются от слов.

б) сигнификат значения и определение отдельности языкового клише

Ядерным компонентом значения лексической единицы является его сигнификат, т.е. совокупность основных парадигматических и синтагматических сем, определяющих тождество данной единицы и ее отдельность от всех остальных единиц с идентичной формой или значением. Нередко определить место единицы в лексической системе и тем самым выявить ее сигнификативные признаки помогает сочетаемость с определенным типом единиц. Такого рода сочетаемость семантики называют типовой валентнос-

тью, в отличие от частной или конкретно-лексической валентности. Обращение внимания на типовую валентность становится особенно важным в случае необходимости дифференцировать омонимы.

Рассмотрим несколько примеров.

Снимать комнату 1 – «проживать на основе найма» (обладает только значением несовершенного вида и используется для определения факта проживания и места жительства), *Вы где живете? Я снимаю комнату тут недалеко*;

Снимать (снять) комнату 2 – «договориться о найме, нанять» (обладает полной видовой парадигмой и сочетается с дополнением с целевым значением): *Я снял вам комнату, Фирма снимает комнаты для сотрудников, Я снимаю комнаты для приезжих*.

Похоже, хотя и не аналогично, и в случае омонимии *занимать место* (1 – «находиться в определенном, важном для кого-то месте» – только несовершенный вид и 2 – «определять себе место нахождения» – полная парадигма вида и сочетаемость с целевым дополнением: *Я занял себе (вам) место в первом ряду*), *Займи мне место*. Заметим, что семантика важности занимаемого места или его необходимости для кого-то в первом случае может быть выявлена в отрицательном контексте: *Не занимай места!* Абстрагизация от пространственного значения привела к трансформационной деривации и образованию третьего клише *занимать место 3* со значением «работать кем-то, иметь должность», обладающим полной видовой парадигмой: *Он занимал это место на протяжении последних двадцати лет, Она заняла вакантное место секретарши*.

Контексты *Он сегодня не вышел на работу* и *Я выхожу на работу с сентября* обнаруживают омонимию *ЯК выходить на работу*: 1 – «работать в положенное время, отработывать в установленный срок» и «приступать к трудовой деятельности в определенном месте занятости».

Меньше сложностей возникает при валентностной дифференциации омонимов значительно удаленных в категориальном отношении: *прямая линия* (геом.) и *прямая линия* (связь): *нарисовать (начертить, провести на бумаге) прямую линию – Президент на прямой линии*.

Сочетаемость *ЯК* может помочь определить сигнификат его значения в случаях, когда это полностью или частично имплицировано, т.е. когда он выражен не ядерным компонентом формы, как в предыдущих случаях. Интересны в этом смысле случаи частотных клише, образованных сочетанием предметно-вещественных имен с квантификаторами (именами меры): *буханка хлеба, бокал пива, чашечка кофе, палка колбасы, бутылка водки, пачка масла, тарелка супа, головка сыра, букет цветов, глоток воды, капля крови, косточка сахара*. Восприятие единиц такого типа усложняется широким использованием синонимичных им универбов, вроде *буханка (> полбуханки), бокал, палка (> палочка, полпалки), бутылка (> полбутылки), букет, косточка* которые создают впечатление семантической ядерности данных квантификаторов. Однако *буханка хлеба* – это не буханка с хлебом, *головка сыра* – не головка с сыром, *палка колбасы* – не палка с колбасой, а *букет цветов* – не букет с цветами (как можно было бы трактовать *ЯК пачка масла, тарелка супа* или *бутылка водки*), а хлеб, сыр, колбаса и цветы в форме и в объеме буханки, головки, палки и букета. Но и в случае с клише с наименованиями тары функциональные контексты *съесть пачку масла (две тарелки супа)* или *выпить чашечку кофе (бутылку водки)* демонстрируют сигнификативный характер наименования продукта. Как видим, сигнификат значения здесь выражен не каким-то одним формальным компонентом – ядерным или периферийным, а именно их комбинацией.

Сходная проблема возникает и при анализе *ЯК*, образованных сочетанием абстрактных имен с категориальными квалификаторами: *в ходе проверки, в состоянии аффекта, в процессе изучения, в сфере искусства, акт саботажа, на апрель месяца*, хотя здесь квалификаторы выполняют скорее роль стилистическую, а с семантической стороны до определенной степени плеонастичны. Если в предыдущем случае клише становились основой универбизации, то в этом они сами являются результатом мультивербизации:

при проверке, в аффекте, при изучении, в искусстве, саботаж, на апрель. В таких клише сигнификат значения выражен периферийным компонентом.

Валентностный анализ – не единственный метод определения сигнификата значения клише. Иногда приходится прибегать к методам дефинирования, функциональных подстановок, компонентного анализа и даже остенсивному или предметно-функциональному. Интересны в этом смысле русские клише *чистить зубы*, *мыть голову* и их польские аналоги *myć zęby* и *myć włosy*. Обе пары ЯК содержат в ядре значения имплицированные референтивные (смежностные) семы: «зубная щетка» (*чистить зубы* и *myć zęby*), а также «моющее косметическое средство» (все четыре клише). Сопоставляя пары ЯК и свободных сочетаний *чистить зубы* – *чистить юбку*, *мыть голову* – *мыть лицо* и *myć zęby* – *myć twarz*, *myć włosy* – *myć twarz*, а также предметно реализуя соответствующие им понятия можно выявить указанные семы: во всех клише они обязательны, а в свободных сочетаниях – спорадичны (мыть лицо и чистить юбку можно и без моющего средства, а для мытья головы вовсе нет необходимости использовать щетку). Отметим, что само по себе слово *мыть* не содержит в качестве обязательных сем «щетка» и «моющее косметическое средство», а слово *чистить* – семы «моющее косметическое средство».

Аналогичным образом можно выявить имплицированные ядерные (сигнификативные) семы в ЯК *грузовой автомобиль* («кузов»), *лекционная аудитория* («большие размеры»), *русская баня* («парная», «веник»), *студенческий билет* («документ»), *первое блюдо* («жидкость»), *рукопашный бой* («холодное оружие»), *строчная буква* («малый размер»), *ценная бумага* («финансовый документ»), *вечер отдыха* («танцы»), *сухое вино* («слабоалкогольное»), *добрая воля* («мирная политическая инициатива»), *кровный враг* («непримиримый», «самый большой»), *вынос тела* («похороны»), *выходить на свободу* («тюрьма»).

л) лексико-семантические поля и референтивные признаки значения клише

Третьей составляющей значения лексической единицы является референтивный компонент (экстенционал), включающий в себя не только частно-денотативные признаки, но и коннотативные семы, а также семы валентностного плана, информирующие о конкретно-лексической сочетаемости единицы. Референтивный компонент значения иногда еще определяется как объем значения (в отличие от категориальной части как его содержания). Он формируется прежде всего из информации, сопряженной с речевыми ситуациями, в которых возникла данная единица в качестве прецедентной. В. И. Макаров отметил, что

«Семантика прецедентных текстов не может изучаться без учета прагматической установки автора речевого сообщения. Очень часто такие их свойства, как денотативная широта и воспроизводимость, становятся источником того, что между выражением и ситуацией, обозначаемой им, теряется ономаσιологическая связь. [...] В качестве примера может послужить история выражения „гуманитарная катастрофа“, вошедшего в разряд прецедентных текстов как раз благодаря средствам массовой информации. Возникшее в связи с событиями в Косово, оно первоначально предназначалось для „свернутой“ номинации комплекса фактов, связанных с межнациональным конфликтом, то есть большого числа беженцев, уничтожения людей по национальному признаку, отсутствия элементарных, по европейским меркам, благ цивилизации в зоне конфликта: медицинской помощи, тепла, электричества, обеспеченности жильем, недостаток продовольствия и т. п. Постепенно, однако, обобщенность и неконкретность выражения повлияла на изменение его функции: оно стало употребляться западными политиками в качестве оправдания своих военных действий, как ярлык, который можно навесить на любого противника. Последний этап активного функционирования этого прецедентного текста связан уже с чеченскими событиями. В начале военных действий чеченские

СМИ громоздло заявляли о „гуманитарной катастрофе” на Кавказе. Естественно, они апеллировали не столько к первоначальному смыслу выражения, сколько ко второму, к политическому стереотипу восприятия. Ведь „гуманитарная катастрофа” предполагает активное вмешательство „цивилизованного сообщества”, в том числе политическое и военное. Не случайно комиссия ООН вскоре признала, что „гуманитарной катастрофы” в Чечне нет. Это при том, что все признаки ситуации подходили под первоначальное понимание термина. Здесь же такое решение означало только одно: Запад вмешиваться в конфликт не будет»⁹.

Описанное В. Макаровым явление не уникально. Референтивная семантика сохраняется неизменной в значении только собственно прецедентных лексических единиц, т.е. цитатных высказываний, прецедентных текстах, именах собственных. *Гуманитарная катастрофа* к таковым не принадлежит. Это обычное нарицательное наименование и неминуемо должно было быть распространено на самые различные, сходные с первичной ситуацией (в Косове). В сфере политического дискурса редко встречается тщательное соблюдение терминологической чистоты. Здесь весьма распространены аналогии. Кроме того абстрактные наименования, используемые в этой сфере, имеют то свойство, что служат не столько номинатами явлений реальной жизни, сколько маркерами политической оценки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наименование трагедии в Косово было перенесено на состояние общественной жизни в Чечне. Можно предположить, что вскорости данное наименование будет распространено на все случаи, когда политик или журналист захочет выразить свое сочувствие бедствиям населения какой-то местности или осудить его виновников без учета размеров бедствия.

Самыми богатыми в референтивном отношении являются ЯК – культурные знаки (или т.н. концепты): *Государственная Дума* (спикер, депутаты, законы, заседания, трибуна, голосование, политические партии, принятие в первом чтении), *Знак Зодиака* (созвездие, гороскоп, иллюстрированные журналы, советы, предсказания, партнеры, Весы, Стрелец, Дева, астрология), *дисциплинарный батальон* (армия, суд, преступление, жестокость, режим, трудности, опасности, война, тюрьма, искупить кровью), *крестовый поход* (церковь, война, Палестина, крестоносцы, рыцари, средневековье, католицизм, Папа Римский, кресты на плащах, мечи, тамплиеры, вера, сарацины), *электронная почта* (Интернет, компьютер, @, сервер, пароль, логин, прикрепленный файл) и под. Но и обычные ЯК – речевые знаки обладают достаточно широким набором сем референтивного характера, правда они обычно варьируют в зависимости от идиолекта. Так, в одном из пейджинговых сообщений клиент подает фразу: «Как тебе не стыдно, халявщик?» и добавляет «Извини, что пришлось прибегнуть к ненормативной лексике»¹⁰. Клише *ненормативная лексика* здесь обладает более широким референтивным объемом, чем обычно.

Особенно отчетливо заметны расхождения в объеме значения, касающиеся коннотаций, особенно оценочности. Это было и в советские времена (отношение к ЯК *прогрессивное человечество, социалистическое соревнование, потенциальный противник, ограниченный контингент*), и во время перестройки (*демократические преобразования, рыночная экономика, застойные явления*), и в постперестроечной России (*чеченские сепаратисты, частный бизнес, сильная власть*).

Как видим, языковые клише обладают идентичной со словами структурой лексического значения, т.е. собственным иерархически структурированным интенционалом (ка-

⁹ Макаров, В. И. Фразеологизация и стереотип восприятия речевого сообщения, [в:] Русский язык исторические судьбы и современность http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/ru/sch_14.htm.

¹⁰ В. Дегтярева, «Вы мне с правильной орфографией запятые расставили?»: избранное из пейджинговых сообщений и диалогов абонентов с операторами, [в:] Ликбез № 4 апрель 2003/ <http://altnet.ru/%7Elik/Arhiv/likb4.htm>

тегориальной частью, десигнатом), собственным довольно широким семантическим полем (экстенционалом, денотатом или референтивной частью) и собственным целостным (неаналитическим) сигнификатом (семантическим ядром), несводимым к сумме сигнификатов входящих в состав клише словоформ.

Лариса АДОНИНА

□ 2006

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Концепт *женщина* является базовым концептом культуры, существующим и развивающимся в неразрывной связи с концептом *мужчина*, что обусловлено полярностью и тесной взаимосвязью мужского и женского начала (дихотомия *мужской – женский*) в сознании человека. Данный концепт исследуется нами методом свободных ассоциаций, что позволяет исследовать взаимодействие языковых и энциклопедических знаний в контексте вырабатываемой в социуме системы значений, норм и оценок во взаимодействии с индивидуальным перцептивным, когнитивным и аффективным опытом (Залевская 1996:31).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента было опрошено 3000 человек – жителей г. Анжеро-Судженска Кемеровской области, равное количество мужчин и женщин, принадлежащих к одной возрастной группе, имеющих одинаковое образование и социальное положение (35-42 лет, средне-специальное образование, рабочие), что обусловлено желанием сохранить чистоту эксперимента, исключив влияние факторов «возраст», «социальное положение», «образовательный уровень» на будущие результаты). В результате обработки результатов эксперимента были сформированы два ассоциативных поля стимула *женщина* – мужское и женское.

Мужское ассоциативное поле: *красивая 207, мужчина 168, мать 101, красота 98, любимая 51, молодая 32, прекрасная 29, добрая 23, любовь 22, с ребенком 19, врач, девушка, моя, русская 18, шикарная 17, баба 16, грех, жизнь 15, дом 13, мать моих детей 12, чужая, глупая 11, деловая 10, беззащитная, великопепная, дети, святое 9, в белом, восхитительная, доброта, домохозяйка, друг человека, жена, женственная, загадка, знакомая, красавица, это женщина 8, женственность, знойная, змея, коллега, кухня, легкомысленная, леди, люблю, надежность, семья 7, верность 6, героиня, женская логика, любовница, любящая, секс 5, мадам, Мадонна, милая, молодость, одинокая, Она, учительница, хозяйка, хранительница очага 4, очарование, понимание, порок, преданная, преданность, привлекательная, ребенок, ревнует, родная, роскошная 3, сексуальная, сильная, симпатичная, супруга, супружница, счастливая, счастье, тайна, тайны, тварь, темпераментная, тепло, учитель, цветок 2, агентство ОБДС (одна баба другой сказала), авоська, активная, актриса, англичанка, аромат, Афродита, баба как баба, бальзаковского возраста, без мужа, болтливая, бабьим умом сильно, бесплатный секс каждую ночь, блондинка, богиня, болтает лишнее, в возрасте, в незлиже, в платке, в черном, вежливая, везучая, великопепие, Венера, вечное, вечность, взрослая, вино, вкалывает, вкусная, влюбленность, вне конкуренции, волос длинный, ум короткий, высокая,*